

О. Биличенко
(Украина)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ ЗНАНИЯ

Введение

Гуманитарная наука сегодня все больше внимания уделяет проблеме специфики человеческого бытия и, в частности, пространству существования homo sapiens. Для понимания и описания места человека в мире, возможности формирования единой картины мира, она обращается к такому феномену как литература. Литература имеет определенные онтологические структуры и ценностные смыслы и занимает особое место в символическом пространстве знания. Художественная литература представляет моделирующую систему, а каждое отдельное художественное произведение возможно рассматривать как модель тех или иных явлений жизни, или определенных форм сознания. С этим тесно связано и понятие художественной модели как структурно-системного образования, воспроизводящего некоторое ситуативное единство воспроизводимой действительности.

Становление коммуникационных связей в обществе через множество средств, орудий, предметов коммуникационной деятельности, создание локальных и глобальных электронных систем обусловили трансформационные изменения коммуникационной системы. Генетическое единство, заложенное в природе существующих социально-коммуникационных подсистем общества, в частности образования, политике, искусстве, науке, и деятельности различных социально коммуникационных структур (библиотек, средств массовой информации, архивов, музеев, центров документации и информации, книжного дела, Интернета) проявляется через создание единого коммуникационного пространства, под

влиянием чего формируются различные условия воспроизведения коммуникационных связей. Современная коммуникационная среда информационного общества раскрывается через категории информатизации и глобализации, а эволюционные тенденции общественной деятельности создают условия для сохранения и трансляции достижений культуры, науки, образования. При этом создаются необходимые условия удовлетворения потребностей всего общества в информации. Динамика коммуникационной среды имеет основополагающее значение для интенсивного использования доступных знаний во всех значимых сферах деятельности общества и является необходимым условием развития социума.

Прежде чем говорить о художественной литературе в структуре социально-коммуникационного знания, обратимся к понятию социально-коммуникационного пространства, поскольку социально-коммуникационное пространство – это сфера, в которой осуществляется информационный обмен посредством коммуникаций; пространство, где протекает коммуникационный процесс. Исследуя процесс существования художественной литературы в условиях единого информационного и коммуникационного пространства, необходимо выяснить, каким образом художественная литература взаимодействует с ними и какими могут быть результаты этого взаимодействия, как соотносится текст произведения с информационным и социально-коммуникационным пространством.

Социально-коммуникационные пространства составляют социально-коммуникационные среды, представляющих совокупность коммуникационных условий общества, которые образуются в результате формирования значительного количества превращенных форм деятельности, что образует смыслы и результаты которой непосредственно предусмотрены для системы социального взаимодействия. По мнению В. Ильганаевой, социально-

коммуникационное пространство необходимо рассматривать шире – в пределах медиасферы, космосферы, в пределах пространств целенаправленной активности Абсолюта, который принимает, копирует, показывает, интерпретирует эту активность и формирует свою «цель» в соответствии с состоянием своего сознания [10].

Согласно ее определению, социально-коммуникационное пространство – это симбиоз естественно-искусственных связей и реалий социальных отношений, в основе которых лежат механизмы формирования человека, общества, социального интеллекта. Социально-коммуникационное пространство проявляет свойства многоуровневости и нелинейности, многосредовости и поддерживается их динамичным развитием, трансформацией носителей коммуникативных функций, исполнителей коммуникативного действия и механизмами внутрисистемного взаимодействия, таким образом, обеспечивая формирование, развитие социального интеллекта, достижения им высшего уровня «коллективного сознательного» как единства высокоразвитых «индивидуальных знаний» членов общества. Социально-коммуникационное пространство понимается как мир, который предельно воспринимается органами чувств человека и отражает уровень развития коммуникационной инфраструктуры социума.

Коммуникационное пространство – это сфера, в которой осуществляется информационный обмен посредством коммуникаций; пространство, где протекает коммуникативный процесс. Мы можем определить его как систему многочисленных коммуникативных связей, возникающих между различными агентами коммуникации, которыми могут выступать отдельные люди, группы людей (большие и малые), социальные институты. Коммуникационное пространство характеризуется интенсивностью и количеством взаимодействий и

дистанцией между агентами коммуникативного взаимодействия.

Глобальная информационная цивилизация характеризуется созданием и установлением общего планетарного информационного пространства – глобальной информационной сети. Глобализация информатизации касается в первую очередь таких аспектов жизнедеятельности общества, как морально-этический, культурный и информационный аспекты. Сейчас выделяют ряд информационных концепций: «глобальной информатизации общества»; «компьютерной революции»; «свободы печати и информации»; «права на информацию»; «свободных потоков информации». В соответствии с этими концепциями сама информация приобретает глобальную значимость для дальнейшего развития человечества.

Согласно теории Г. Маклюэна, развитие коммуникационного пространства связано с появлением новых средств коммуникации и свидетельствует о новом этапе в развитии человечества [16]. В современных исследованиях рассматривают концепт как ментальное образование, которое воспроизводит объекты как предметного, так и идеального мира и выступают единицей коллективного сознания, которая хранится в социальной памяти и характеризуется многомерностью, дискретностью содержания. Содержательность художественного произведения заключается в действительности познания и этического поступка, входящего в эстетический объект и подлежащего здесь конкретному интуитивному объединению, индивидуализации, конкретизации, изоляции и завершению, т.е. всестороннему и художественному оформлению с помощью определенного материала.

Художественная литература как концепт в системе социально-коммуникационного знания

Проследить эволюционные аспекты художественной литературы в коммуникационном пространстве общества позволяет ее определение как концепта. Содержание концепта охватывает сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек знает, предполагает, думает об объектах мира. Концепт – это такое понятие, на которое наслаиваются денотатный и конотативный смысл слова. Сущность любого концепта исследователь определяет как субпонятийную. Концепт – это оперативная содержательная единица мышления, единица, или квант структурированного знания. Концепт – это дискретная содержательная сущность сознания, объединенная концептуальными связями: импликациями, сравнительно-классификационными и семиотическими (знаковыми). Концепт – это абстрактная ментальная структура, которая воспроизводит различные сферы деятельности человека и замещает неопределенное количество предметов одного рода, по мнению С. Аскольдова [2]. Концепт – это комплекс культурно обусловленных представлений о предмете, соотносится с понятием, ментальным прообразом, идеей понятия.

Концепт выступает главной единицей коммуникации в художественной литературе, художественном тексте, поскольку именно он несет смысл, культурную эстафету, закрепляет социальные смыслы в процессе усвоения, осознания человеком природы, общества и себя. Сложность коммуникационной организации художественного текста, его соотнесенность как компонента коммуникации с автором, читателем, обусловленность действительностью и знаковость являются причиной многочисленности подходов к его изучению. Опираясь на современные исследования, некоторые ученые на примере концепта пытаются доказать, что четкого представления о понятии «литература» не существует. Она не может быть простым объектом, так как

взята как текст, остается открытой и неопределенной системой; рассматриваемая в конкретных границах, она превращается в философский концепт. Подобно системе «литература» в целом, концепты – открыты, неустойчивы, нестабильны. Выражая не значение, а контекстуальный смысл, концепт предстает как микромодель системы «литература».

Художественная литература вовлечена в сложную систему связей с различными сферами человеческой деятельности, прежде всего с искусством словесного творчества и коммуникацией. Она представляет такую цепь: человеческая деятельность – коммуникационная деятельность (литература) – художественное произведение. Словесная художественная деятельность как вид художественной деятельности воспроизводится, фиксируется в виде художественной литературы – одного из каналов коммуникации. В связи с этим художественный концепт является единицей поэтической картины мира. Его природа и структура остаются недостаточно исследованными, хотя художественный концепт имеет эстетическую сущность и образные средства выражения, обусловленные замыслом. Учитывая сферу функционирования художественного концепта, следует учитывать такие его уровни, как образный, ассоциативный, символический. Цепи художественных концептов создают образные коммуникативные системы, характеризующиеся открытостью, динамичностью. Существовая в пространстве языка, такая система определяет специфику национальной картины мира.

Концепты, отражающие мыследеятельность людей, включаются в смысловое коммуникационное пространство. Художественная литература как концепт выступает во взаимодействии трех составляющих – автора, текста и читателя, каждый из которых так же является концептом. Между составляющими данного концепта существуют зоны их пересечения. Это, во-первых, акт письма, когда авторская

интенция превращается в текст. В этой зоне текст существует как аморфное, подвижное состояние; литературное произведение, которое не сформировалось, находится в стадии становления. Вторая зона существует в момент восприятия текста читателем, именно в то мгновение, когда формируются его эмоции и мысли, когда он захвачен восприятием. Сущность третьей зоны заключается в том, что автор является также и читателем, функции творца и реципиента в равной мере присущи субъекту. Концепт возникает как ответ на определенную проблему, и дает его именно литература, так как она связана с коммуникационной деятельностью человека. Следует также добавить, что важной характеристикой концепта выступают его фазовые характеристики, фазовое пространство. Для автора это периоды его становления, этапы его творческого пути, для текста – это путь, который он проходит от замысла до окончательной формы, для читателя – это состояние до и после восприятия текста. Одна из задач художественной литературы – ничего не потеряв из безграничного разнообразия смысловых образований, отобрать и отлить их актуальную форму, тяготеющую к универсальной когнитивной форме. Значительная роль в этом принадлежит автору, концепт которого вмещает в себе концепт субъекта. Концептов субъекта может существовать много. Однако автор, он же концептуальный персонаж, поэтому концепт автора представляет совокупность концепта субъекта художественного творчества и концептуального персонажа. Концептуальный персонаж в концепте автора – это мыслитель, творец, он присущ именно концепту автора, но не концепту читателя.

Согласно мнению С. Аскольдова, в художественном концепте сублимируются понятия, представления, эмоции, чувства, волевые акты. Художественный концепт является заместителем образа, в силу чего природа художественного освоения мира отличается эмоционально-экспрессивной

маркировкой, особым словесным рисунком, в котором красками выступают образы и ассоциативно-символьные конstellации, которые эксплицируются вербальными знаками [2].

У Ж. Делеза понятие «концепт» является параллельным аналогичному понятию у Спинозы, который отмечал, что искусство философа предопределяет существование также и разумных сущностей, а философские концепты также являются “sensibilia” [8]. Концепт можно рассматривать как умственную сущность, умственное построение, которое отмечается целостностью и смыслом и выступает частью философской реальности.

Ученые подчеркивают, что в современном постмодернистском контексте не принято говорить о смысле. Однако именно смысл раскрывает сущность термина «концепт». Смысл отличается от значения, поскольку он цельный, то есть имеет отношение к ценности – к истине, красоте. Он, по мнению Н. Бахтина, не существует без соответствующего понимания, содержащего в себе оценку [7, с. 322]. Смысл предполагает наличие сознания, которое воспринимает, а также его носителей: конкретные детали, коммуниканты. Этим смысл отличается от понятия.

Е. Плешкевич [20] различает: 1) конвенциональный (согласованный в пределах группы людей) образ в определенной знаковой системе; 2) содержание понятия в обособлении от языковой формы его выражения. Концепты образуют своего рода культурный пласт, который выступает посредником между человеком и миром, а также является единицей поэтической картины мира. Его природа и структура остаются недостаточно исследованными, хотя художественный концепт имеет эстетическую сущность и образные средства выражения, обусловленные замыслом. Учитывая эстетическую сферу функционирования, чрезвычайную значимость в художественном концепте

играют такие его уровни, как образный, ассоциативный, символический.

По мнению В. Лукина, концепт текста художественной литературы создают знаковая последовательность текста, связность, целостность, текстовый код, семантическая структура текста, его композиция, функция, интерпретация [14, с. 17]. Вместе все компоненты в установленной схеме отношений между ними создают систему «автор – текст – реципиент».

Известный голландский лингвист Т. Ван Дейк говорит о термине «фрейм» в связи с организацией «общего знания» в концептуальные системы [6]. Фреймы рассматриваются как единицы, организованные вокруг некоторого концепта, соержащие основную, типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциируется с тем или иным концептом. В нашем случае это концепт «художественная литература».

Концепты существуют в виде коллективного бессознательного, хоть преимущественно эволюционируют, как доказывает Ю. Степанов, в виде «квантов изменений», которые вносят в них индивиды, творческие личности [24, с. 9]. Исследователь отмечает, что в культуре не существует ни чисто идеального, ментального (т.е. даны только концепты), ни чисто материального, существует идеально-материальное (т.е. концепты сопровождаются материальными эволюционными рядами «вещей»). «Вещи» в культуре – это материальное и ментальное одновременно. С точки зрения Н. Арутюновой [1], концепт – это понятие, погруженное в культуру.

В обобщенном определении художественного концепта, представленном Л. Миллером [17, с. 39], он рассматривается как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов.

Исследователи подчеркивают, что концепты не могут существовать отдельно, изолированно друг от друга. Каждый из них представляет своеобразный центр вибрации, притягивает другие центры и находится с ними в тесном взаимодействии. Однако концепты могут не только взаимодействовать друг с другом, но и определять и взаимообуславливать друг друга. Ряд взаимообусловленных концептов может представлять собой концептосферу.

Концепт формирует мировоззрение и поэтому в определенной мере формирует и личность. По убеждению А. Крылова [12], человека окружает принятая им концептуальная система, которая не столько является воспроизведением реальности, сколько ее интерпретацией, ее структурой субъекта. Она же определяет структуру самого субъекта как личности со свободным выбором. Ученые рассматривают вопрос о концептуальной структуре текста не как о его устройстве, а как особенности построения сознания. Концептуальное рассмотрение художественной литературы чрезвычайно важно, поскольку личность принимает тот или иной концепт в свой оборот, и он начинает влиять на саму личность. Влияние проявляется в тексте, коммуникации и поведении. Некоторые ученые, в частности А. Крылов, функцию воздействия называют главной, определяют ее сущность через влияние на аудиторию, а также ее поведение [12]. Значение этой функции они видят в создании личности, формировании и построении мировоззренческой основы.

Писатель воссоздает характеры, обозначенные особенностями общественного мировоззрения как активные проявления особенностей общественной жизни в определенных индивидуальностях. Это в значительной степени определяет художественную тематику отдельных произведений.

Многими исследователями, такими, например, как М. Фуко, автор определяется не как индивид, который

говорит, или тот, кто высказал, или написал текст, но как принцип группировки дискурсов, как единство и источник их значений, как связывающий их центр [31, с. 91]. Концепт актуализирует воссозданную в его понятии онтологическую составляющую. Определенным образом упорядоченный и иерархизированный минимум концепта образует концептуальную схему; нахождение требуемых концептов и установление их связи между собой образует суть концептуализации. Концепт функционирует внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания – объяснения. Каждый концепт занимает свое четко определенное и обусловленное место на том или ином уровне концептуальной схемы. В коммуникативной цепочке присутствуют не только прямые, но и обратные связи: «автор – произведение – читатель», где «произведение – слово» доносит эту связь. «Автор – произведение» – довольно устойчивая цепь. В отличие от этой цепи, связь «произведение – читатель» – величина переменная, которая зависит от эпохи, социальных и интеллектуальных факторов.

Следовательно, систему «литература» исследователи характеризуют как открытую, нестабильную. Ее открытость обусловлена тем, что традиция и реальность не прямо связаны с художественными текстами. Эта связь осуществляется через автора и читателя.

Отметим, что теория подобных систем разработана И. Пригожиным [21]. Исследователь сделал открытие относительно упругости и вариативности подобных систем в сравнении с благоустроенными «закрытыми» системами, неспособными к коммуникации. В рамках своей теории ученый, рассматривая человеческие системы не как определенные «механизмы», а как креативный мир с неполной информацией и меняющимися ценностями. Мир, в котором будущее может быть представлено во многих вариантах. Социальная проблема ценностей в широких пределах может связываться с не линейностью. Ценности, по

мнению И. Пригожина, – это коды, которые мы используем с целью удержать социальную систему на некоторой линии развития, которая выбрана историей. Система ценностей, отмечает исследователь, всегда может противостоять дестабилизирующим эффектам флуктуации, порожденной самой социальной системой [21, с. 36].

Опираясь на теорию И. Пригожина, ученые представляют литературу в виде системы ценностей, состоящей из произведений литературы – художественных текстов и системы ценностных кодов, расположенной над ней и общая для культурной традиции. В литературной коммуникации традиция, которая является общей для читателя и автора, создает возможность понимания смысла произведения литературы читателем, и она же обеспечивает читателя кодами-критериями, которыми он может воспользоваться, чтобы из значительного количества текстов выделить корпус произведений художественной литературы. Таким кодом и может быть указанный концепт. Это можно показать на примере романа И. Головкиной «Побежденные», которая описывает 20-е годы XX века. Герои произведения – носители культурных традиций XIX века. Одновременно автор – наша современница. Так происходит трансляция духовных ценностей из XIX века в XXI век.

Согласно теории Ю. Степанова, внутренняя форма – первый элемент структуры вербально выраженного концепта [24, с. 49]. Если сравнивать вербально выраженный концепт как микросистему с макросистемой «литература», то внутренняя форма выступает как позиционная и смысловая аналогия автора, творца художественного произведения. Внутренняя форма слова сама по себе – художественный концепт. Ядро концепта Ю. Степанов называет «основным, актуальным» признаком [24, с. 50]. Ядро вербально выраженного концепта аналогично центральному элементу системы «литература» – произведению. Можно сказать, что произведение – ядро системы «литература».

С воспринимающим сознанием связан так называемый актуальный слой концепта. Это непосредственная и часто мгновенная реакция читателя на понятие, представленное в концепте. Благодаря актуальному слою концепты национальной культуры меняются, адаптируясь к современности. Именно в актуальном слое концептов возникают новые смыслы, которые атакуют ядро, вследствие чего возникают изменения, влияющие на национальную картину мира. Следовательно, концепт является инструментом, который дает возможность рассмотреть коммуникационное пространство произведения. Вводя концепт как единицу анализа, мы получаем возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть. Устойчивое значение произведения и слова превращается тогда в подвижный, открытый, противоречивый, целостный смысл. Именно в концепте «художественная литература» граница между социальными коммуникациями и литературным творчеством чрезвычайно тонкая. Концепт художественной литературы может выступать моделью, интерпретацией действительности, в которой можно найти ответ на вопросы о сущности литературы. Ведь только художественная литература обладает необычайным запасом отобранных временем образцовых текстов. Для нас важно, что согласно закону диалектического синтеза возникает информационно-коммуникационное пространство, которое выступает той социальной средой, где произведение художественной литературы приобретает структурность, связность, целостность и наполняется значением и смыслом. В современных текстах художественной литературы концепт часто формируется автором и процессуальность такого построения применительно к сознанию автора, персонажа, читателя, наблюдателя демонстрируется как прием построения текста. Мы убеждены, что структура вербально выраженного концепта подобна самой системе «литература».

Ее представляют как «внутреннюю форму – ядро – актуальный пласт».

Также изучение текстов художественной литературы как своего рода коммуникационных систем на семиотическом уровне через оппозиции позволяет установить тенденции в развитии и изменении социальных ценностей общества. Применяя принцип оппозиции, можно создать семиотические модели мира, которые будут не просто схематической моделью человеческого общества, но и своеобразной программой поведения индивида и коллектива.

Информационно-когнитивная динамика общества и ее влияние на художественную литературу

Вся история развития человечества может рассматриваться как эволюция форм и средств коммуникации, которые не сменяют друг друга, а постоянно приумножают интеракционный опыт человечества, где печатный текст выступает не разновидностью письма, а новой формой знаково-символической «реальности». Социальную коммуникацию исследователи рассматривают как органическую часть культуры, обеспечивающую движение культурных смыслов в социальном пространстве и времени. Поэтому стадии развития социальных коммуникаций совпадают со стадиями движения культуры. На всех стадиях развития культуры прослеживалась закономерность: совершенствование коммуникационных средств сопровождалось общественным прогрессом, а он, так же, стимулировал развитие коммуникации. Однако эта закономерность осознавалась обществом по-разному на определенных этапах. Постепенная смена социальных коммуникационных систем происходила не стихийно, а в силу кризиса коммуникационных каналов, который состоит в том, что эти каналы уже не удовлетворяют коммуникационные потребности общества.

Опираясь на исследования Н. Лумана относительно того, что культура развивается благодаря изменениям в технике коммуникации в новых условиях и идеи М. Маклюэна о том, что технологии коммуникации в истории являются определяющим фактором формирования социальных систем, кардинальные изменения в обществе лучше всего проследить в коэволюции с теми историческими типами общения, которые поэтапно преобладают в конкретно-историческом пространственно-временном континууме [15, 16].

В трудах Н. Кастельса [11], Н. Лумана [15], Н. Маклюэна [16], А. Турена [29], Ю. Хабермаса [32], У. Эко [35] и многих других современных исследователей социум представлен как мир общения, в котором новые информационные средства становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в мире и взаимодействия людей. В этих условиях коммуникационная среда, которая формируется сейчас, накладывает на каналы коммуникации прошлого свой неповторимый отпечаток.

Эволюционное развитие социально-коммуникационных структур, по определению В. Ильганаевой, обеспечивает в любой форме фиксацию, сбор, обработку, хранение, распространение, использование, потребление информации как продукта духовной практики человечества [10, с. 60]. Печать документальных потоков отражает бытие человека (социальное, групповое, личностное). Любому объекту реальной действительности и познания, по убеждению исследовательницы, присущая история, эволюция через проявление определенных форм, имеющих свою структуру, элементность, связи, цели или назначение в среде существования, стадийность развития, сущностные проявления формы, содержание и смысл которого меняются в соответствии с эволюцией социально-коммуникационного взаимодействия.

В. Ильганаева отмечает, что предметность самой деятельности в социально-коммуникационной сфере также меняется от более простых форм подражания «делай, как Я» до более сложных когнитивных моделей в системах искусственного интеллекта и экспертных системах современности – это ее эволюция, тенденции движения к завершению эволюционного цикла в рамках социально-коммуникационных реальностей – и раскрывает содержание того, что в ней происходит на протяжении цивилизационного развития общества и человека.

Исследователи рассматривают социальную коммуникацию как органическую часть культуры, обеспечивающую движение культурных смыслов в социальном пространстве и времени. Поэтому стадии развития социальных коммуникаций совпадают со стадиями движения культуры. Прослеживалась закономерность: совершенствование коммуникационных средств сопровождалось общественным прогрессом, а он, также, стимулировал развитие коммуникации. Однако эту закономерность общество понимало по-разному на разных стадиях.

Самыми влиятельными социальными двигателями, которые определяют лицо общества, его стержневые парадигмы и ценностные предпочтения, по теории М. Маклюэна [16], являются средства коммуникации. Отметим, что периодизация истории развития человечества, основой которого является принцип передачи информации, не единственная. Р. Шартъ [34] обращал внимание на то, что в XVIII ст. было множество дискуссий о взаимосвязи символических видов деятельности с формами и носителями, которые обеспечивали распространение письменных текстов. Как пример он привел сочинения – «Новая наука» Вико, «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе и «Заметки относительно аналогов» Мальзерб. Все авторы используют близкий метод.

Разделение на эпохи происходит по критерию изменений в формах письменности или в модульностях передачи текстов. Внимание авторов сосредоточено, прежде всего, на интеллектуальном, социальном и политическом значении сдвигов, в результате которых изменились формы записи, сохранения и распространения дискурсов. Однако М. Маклюэн, в отличие от своих предшественников, радикализирует этот метод.

Анализ мировой динамики позволяет выделить две ключевые тенденции, которые могут привести к угрожающей ситуации. Первая – взрыв человеческой активности, которая меняет мир. Вторую тенденцию условно, по мнению исследователя, можно назвать глобализацией и интерсоциализацией мира. Экономические, информационные и другие «препятствия» на пути развития цивилизации становятся все «прозрачнее».

В традиционном аграрном обществе основная задача состояла в обеспечении населения элементарными средствами существования. В нем была занята основная масса людей. Общество развивалось через накопление материальных благ.

Следующий этап связан с переходом от индустриального общества к информационному или информационной цивилизации, иначе – обществу услуг. Для осуществления технологических инноваций решающее значение имеет теоретическое знание. Объемы этого знания становятся чрезвычайно мощными и способствуют продвижению знаний, и это дает основания говорить о качественно новом типе общества. Начиная с середины 60-х гг. западными социологами и философами, в частности Д. Беллом [4] и Е. Тоффлером [28] активно обсуждался вопрос о вступлении развитых стран в качественно новую стадию социального развития, которая характеризовалась ими как постиндустриальное и информационное общество, главным отличительным критерием которого является

определяющая роль информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности. Е. Тоффлер вводит для характеристики нового этапа культуры понятие «третья волна».

Настоящая информационная цивилизация должна обеспечить такие социальные условия каждому гражданину общества, которые позволят ему, находясь в любом месте и в любое время, получить всю необходимую информацию для его жизнедеятельности и решения актуальных проблем. Информационная цивилизация – это общество, где все средства информационной технологии, т. е. компьютеры, интегрированные системы, кабельная, спутниковая и другие виды связи, видеоустройства, программное обеспечение, научные исследования нацелены на то, чтобы сделать информацию общедоступной, достичь ее актуального внедрения в производство и жизнь с помощью высокоразвитых средств коммуникации.

Последние тенденции украинской действительности свидетельствуют о влиянии, которое оказывает информационно-коммуникационное пространство на осуществление практически всех видов человеческой деятельности. Динамика общественных процессов за последние десятилетия предопределяет трансформацию социально-коммуникационной деятельности на всех этапах ее существования. Глубина таких изменений детерминирована как экономическими, так и социально-культурными явлениями современного социума. Влияние информационно-коммуникационного пространства на организацию общественного сознания подчеркивается многими авторами, в частности Д. Беллом [4], Н. Кастельсом [11], Ф. Уэбстером [30]. Основой для этих исследований становится убеждение, что количественные изменения в сфере информации привели к возникновению качественно нового типа социального устройства – информационного общества.

В процессах формирования информационного общества можно выделить две различные, хотя и взаимосвязанные тенденции, обусловленные отношением их представителей к социальной роли научного знания и научной информации. В рамках одной из этих тенденций информационное общество трактуется как «общество, основанное на знании», при этом подчеркивается важность научного и, прежде всего, теоретического знания. Представители другой тенденции, отмечая ключевое значение «информации вообще» для анализа общественного развития, связывают ее перспективы с возрастанием роли научной информации и «утратой научным дискурсом его привилегированного статуса», с расширением возможностей, благодаря коммуникационно-компьютерным технологиям, распространением недостоверной информации, дезинформации или таких форм предоставления информации, которые вообще не могут оцениваться как истинные или ложные.

Наиболее четко первая из упомянутых тенденций выражена в трудах американского социолога Д. Белла – родоначальника идеологии постиндустриализма, ставшего впоследствии одним из теоретиков информационного общества, а вторая – в работах авторов, выдвигающих альтернативные концепции информационного общества и критикующих постиндустриализм.

Согласно теории Д. Белла, «осью» постиндустриального общества является знание, и прежде всего знание научное [4]. Исследователь отмечал, что знание необходимо для функционирования любого общества. Однако отличительным признаком постиндустриального общества является специфика знания. Важнейшее значение для организации процессов принятия решений и направления изменений приобретает теоретическое знание, предполагающее первенство теории над эмпиризмом и кодификацию информации в абстрактных системах

символов, которые могут использоваться для интерпретации различных сфер опыта.

Современные исследователи, в частности Н. Моисеев [18, с. 25], предлагают положить в основу понятия «информационное общество» представления о «коллективном интеллекте» («коллективном разуме») как о системном свойстве совокупности индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать общее миропонимание, коллективную память и принимать коллективные решения. Коммуникационные связи, которые возникают между субъектами социального пространства, определяют типологию современного общества. Коммуникация характеризует современное социальное пространство.

Э. Тоффлер, анализируя перспективы информационной цивилизации, подчеркивает, что в современной драматической ситуации знания все же преобладают над положительными качествами других источников [28]. Однако, поскольку знание направлено на достижение цели, оно также является властной структурой, но самой демократичной из всех имеющихся.

Современный этап, который отмежевывается от принципов «галактики Гуттенберга» в сторону «галактики Маклюэна», приобретает формы возрождения «естественного», аудиовизуального восприятия мира и коллективности, но на основе новой электронной реальности. Этот этап характеризуется образованием глобальной коммуникативной культуры, где царит пострациональная парадигма коммуникации. Ее особенностью становятся процессы дальнейшей индивидуализации отношений на фоне утверждения виртуального коллективного медиакратичного социокультурного единства.

Формы коммуникации являются продуктом идеального, то есть сознания, которое имеет дело с представлением объекта, а не его «реальным» бытием.

Эволюция форм коммуникации опосредует связь между представлением и объектом.

Пострациональная форма коммуникации возникает, с одной стороны, как следствие критики рациональных способов коммуникации, с другой стороны, она обусловлена возникновением новых средств коммуникации, которые требовали своего когнитивного обоснования. Таким образом, пострациональная коммуникация является как продуктом неоклассической и постнеоклассической методологии в контексте критики рационалистических установок классической философии, так и отражением самой структуры общества XX – XXI вв., как массового общества, функционирование которого происходит под непосредственным влиянием средств массовой коммуникации.

В целом эти достижения коренным образом изменили жизнь общества, не только выдвинув на передний план информационную деятельность, т.е. деятельность, связанную с производством, потреблением, трансляцией и хранением информации, но и усложнив и трансформировав мир так, что осмыслить его в рамках традиционных подходов стало невозможно. Такая сложная, многоуровневая система, как постиндустриальное общество, предполагает усложнение социальных связей, наличие значительного количества информационных потоков.

Ученые в своих исследованиях определяют пять мощнейших толчков, ускоривших развитие человечества. Первый толчок связан с появлением устной речи; второй – с изобретением письменности, давший возможность человеку вступать в коммуникацию с другими людьми, которые не находятся в непосредственном контакте; третий – с появлением и распространением книгопечатания, которое дало возможность значительному количеству людей получить доступ к знаниям и тем самым расширить свой кругозор и культуру. Четвертый толчок – это возникновение

электронных средств массовой коммуникации, которые дали возможность каждому стать непосредственным свидетелем и участником историко-культурного процесса, который происходит во всем мире. Пятый толчок, по убеждению многих специалистов, – возникновение и развитие сети Интернет как нового средства коммуникации, который предоставляет широкие возможности в формах и способах получения и передачи информации. Новый этап развития социального взаимодействия, который придает ускорение развитию общества, связан с медиатизацией. Медиа технологии интегрируют все существующие формы коммуникации, создавая основы виртуальной реальности.

Отметим, что письменность помогла решить проблему хранения информации, появилась возможность обеспечить связь прошлого с будущим, то есть сохранить преемственность в развитии.

Письменность как первая пространственно отделенная от субъекта форма моделирования природного и социального мира открывает общество как цивилизацию, то есть дает возможность оперировать социальной семантической информацией не прямым контактом. Она стала семиотической революцией в знаковых способах организации общества. Письменность является одним из важнейших средств сохранения языка в живом виде.

Появление книгопечатания обеспечило сохранение авторства, интеллектуальной собственности, более массовый и оперативный обмен информацией. Книга сегодня приобретает электронную форму, но это не свидетельствует об исчезновении книги, поскольку чтение произведений художественной литературы в бумажном виде является самым комфортным для человека средством коммуникации.

Идеологи постиндустриального общества в своих исследованиях, подчеркивая специфику информационного общества, именуют общество последнего периода развития «третьей волной». Первая волна определяется

преимуществом технологий агрокультуры, вторая – индустриальными технологиями, третья – информационными.

Характерным признаком третьей волны является культ знания, отождествление уровня культуры с количеством информации, доступной человеку для ее практического применения. С этой точки зрения прогресс культуры совпадает с накоплением информации и ее распространением. Отметим, что информационным обществом было всегда, поэтому этот тип следовало бы назвать обществом электронной культуры, цифровой цивилизации.

По мнению некоторых ученых, термин «информационное общество» дублирует понятие «постиндустриальное общество» и используется для определения цивилизации, в основе развития и существования которой лежит информация, которая обладает свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека, вследствие чего информация определяет одновременно и социокультурную жизнь, и его материальное бытие.

В центре постиндустриального, информационного общества лежат информационные технологии, которые определяют особенности развития современного общества, вследствие чего взаимодействие между людьми меняется, прежде всего, в контексте эволюции компьютерной техники.

В свое время М. Кастельс, продолжая учение М. Маклюэна, предлагал другой вариант термина «информационное общество», проводя аналогию с понятием «индустриальное общество», в названии которого подчеркнута мысль о его индустриальной основе [11]. Согласно учению М. Кастельса, ядром такой новой формы коммуникационной организации общества является не информация сама по себе, а сетевая логика его базисной структуры, которая предоставляет распространяемую

информацию, необычайные свойства и функции, системно преобразующие все основные сферы жизнедеятельности людей – от экономики и политики до образования и культуры.

Принципиальным отличием информационного общества от индустриального является то, что в нем главное – богатство знаний, которое формируется на основе информационных ресурсов с целью максимального использования высокоразвитой техники для удовлетворения материальных и духовных потребностей общества. Информационализм нацелен на накопление знаний и на высокий уровень сложности обработки информации.

Формируется принципиально новый тип символического существования человека, культуры, социума. Все символы человеческого бытия могут быть помещены, воспроизведены и преобразованы в этом новом символическом пространстве. Кроме этого, символическая деятельность человека распространяется и многократно усиливается. Поэтому, если социальные явления попадают в этот мир, в частности виртуальный мир, они вынуждены подчиняться этим законам. Тем самым, например, виртуальный мир начинает выступать в качестве основы всех других миров в их потенциальной форме. Вследствие этого, виртуальность с определенной условностью превращается в безусловность, а ее квази-реальный характер в прошлом на предыдущих этапах развития человечества заменяется на гипер-реальный характер.

Происходит переплетение двух встречных инновационных процессов: с одной стороны, социальная реальность все более символизируется, с другой – развитие техники создает особую техническую виртуальную среду, в результате чего «виртуальность» социальных форм начинает приобретать формы технической виртуальности.

Социальная связь устанавливается посредством коммуникации, преимущественно – коммуникации текстов.

М. Луман писал, что изобретение письма уже выполнило функцию расширения границ системы тех, что непосредственно находятся в наличии и коммуникации face-to-face [15]. Посредником распространения могут выступать не только письменность, но и другие формы фиксации информации. Они исключительно селективно влияют на культуру, поскольку не только безгранично расширяют память, но и ограничивают ее благодаря своей селективности, что важно для сопутствующих коммуникаций. Формируется новая социальная структура современного общества, в которой человечество впервые приобретает статус реального, а не потенциального субъекта истории. В этих условиях компьютерные системы не только не теряют, но, наоборот, способны запечатлеть и сохранить для будущих поколений те знания, которые человечество не может себе объяснить сейчас, но может сохранить. Поэтому в будущем – с помощью технологий вербализации неосознанного знания – можно будет делать общим достоянием такие пласты знания, которые раньше терялись во время передачи их от поколения к поколению. Этим самым будет существенно расширена и удлинена социальная память человечества.

Постепенная смена социальных коммуникационных систем происходила не стихийно, а в силу кризиса коммуникационных каналов, который состоит в том, что они уже не удовлетворяют коммуникационные потребности общества. Проблема кризиса решается с помощью бифуркации, то есть разделение перегруженных каналов. Ученые выделяют четыре бифуркации, которые происходят на грани археокультуры и палеокультуры (III тыс. к н. е.), на грани палеокультуры и мануфактурной неокультуры (1440гг.), на грани мануфактурной и индустриальной неокультуры (начало XIX в.), и в наше время – переход от неокультуры к постнеокультуры (конец XX века). «Точки» бифуркации – это границы между различными социально-

коммуникационными системами, которые определяются достаточно долгим промежутком времени, и поэтому бифуркации понимают как переходный период между разными социально-коммуникационными системами.

Формы коммуникации обусловлены теми средствами коммуникации, которые составляют основу существования той или иной человеческой общности. По мнению М. Маклюэна [16, с. 10], все революционные сдвиги в развитии общества, культуры, сознания людей детерминированы техническими средствами связи, поскольку сущность сообщения детерминирована спецификой канала передачи. Опираясь на классификации этапов коммуникационной трансформации, выделяют следующие этапы господства той или иной парадигмы коммуникации:

Первый этап – первоначальная дописьменная культура, основанная на принципах естественности и коллективности образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира благодаря устным формам взаимодействия, а также доминирование акустического канала передачи информации, поскольку человек жил в открытом природном пространстве. Доминирующей на этом этапе была мифологическая модель коммуникации как парадигмальная основа осмысления человеком себя и мира вокруг, а также ритуал – как ее практическое воплощение.

Второй этап – культура письменная, заменившая устно-эмоциональные формы общения книжными и повлекшая за собой постепенную рационализацию общественных отношений. На этом этапе начинает господствовать не акустическое сообщение, а созерцательные образы, их письменная кодификация-декодификация, символизация реальности.

Третий этап – этап «галактики Гутенберга», связанный с тиражированием текстов, когда завершается рационализация западной культуры, формируются

концепции гуманизма, прогресса и всеобщего просвещения. Массовые издания, ориентированные на индивидуальное чтение, способствуют дальнейшему отчуждению человека, господству индивидуализма и национализма. Этот этап определяется становлением рациональной парадигмы коммуникации, влияющей на всю конфигурацию общественных отношений, а также на мировосприятие человека.

Как отмечала О. Иванова, для нынешнего состояния развития предлагается термин «культура тотальной информативности» [9]. Исследовательница понимает ее как такое качество, которое определяется принципами глобальности, дигитальности, виртуальности, массовизации, медиатизации; отдельные явления, состояния и компоненты находятся в ней под взаимным влиянием, теряют свою устойчивость, их границы размываются, возникает ряд смежных (промежуточных) явлений, территория которых то и дело расширяется. Поэтому в условиях тотальной информативности теряет актуальность понятие литературного процесса, девальвируется значение литературы как нравственной категории, стирается граница между актуальными и художественными произведениями, художественное творчество отрывается от социокультурных практик. Медиатизация общественного сознания приводит к тому, что литературные авторитеты устанавливает журналистика, определяя, что стоит читать, а что не стоит.

Эволюционное развитие социально-коммуникационных структур обеспечивает в любой форме фиксацию, сбор, обработку, хранение, распространение, использование, потребление информации как продукта духовной практики человечества. Печать документальных потоков отражает бытие человека (социальное, групповое, личностное). Любому объекту реальной действительности и познания присуща история, эволюция через проявление определенных форм, имеющих свою структуру, связи, цели или назначения

в среде существования, стадийность развития, сущностные проявления формы, содержание и смысл которого меняются в соответствии с эволюцией социально-коммуникационной взаимодействия. Развитие художественной литературы как феномена социальных коммуникаций и ее роль в становлении современного общества показывает, что все изменения, которые происходят в ее коммуникационном пространстве, связанные с сущностью литературы как транслятора и аккумулятора результатов исторического опыта человеческой деятельности в социуме. Результативность функционирования в социуме всегда определялась для литературы ее содержанием и влиянием на личностное становление человека и общества в целом. Однако изменения в социуме, формирование коммуникационного пространства современности определяют необходимость проследить этот процесс с точки зрения социальных коммуникаций.

Художественную литературу логично рассматривать как информационно-коммуникационную подсистему, в которой создается, хранится, транслируется и трансформируется информация, информационные ресурсы, художественные произведения, тексты. Отметим, что письменность помогла решить проблему хранения информации, появилась возможность обеспечить связь прошлого с будущим, то есть сохранить преемственность в развитии. Письменность как первая пространственно отделенная от субъекта форма моделирования природного и социального мира открывает общество как цивилизацию, то есть дает возможность оперировать социальной семантической информацией вне прямого контакта.

В интеллектуальном пространстве текстов культуры возникает система когнитивных и интеллектуальных фантомов, более многоярусных и концентрированных, чем хорошо известные «симулякры». Следовательно, угнетение когнитивными моделями в виде текстов культуры

(образование, наука, политика) приводит Автора / Героя / Читателя к осознанию феномена «последнего человека», которая лишена системы ценностей. Современный текст художественной литературы соответствует актуальному индивидуальному и социальному сознанию, реагируя на культурно-антропологические и когнитивные изменения. Текст отличается временной и персональной подвижностью, способностью изменять ракурсы. Рост визуализации текста и сознания участников текстовой деятельности способствует интертекстуальному и образному расширению литературного текста.

В системе «смысл – текст» заложены адресатом доминирующие ценностные смыслы, вследствие формирования высказывания, приводящего к активации ценностного мира адресата. Такое активное взаимодействие между адресантом и адресатом дает возможность объединить их в момент коммуникации в единую коммуникативную систему, в которой они являются не «сторонами» и не «участниками», а активными партнерами. Смысловой основой текста художественной литературы является дихотомия семиотических позиций Я и Ты, которая исторически трансформировалась в дихотомию Один (Автор и Читатель) и Другой. В процессе текстовой деятельности происходит трансформация в тексте онтологического или гносеологического смысла в виде диалога между Одним и Другим. Современный литературный текст модифицирует это видовое отличие в когнитивно-коммуникативное условие понимания, несмотря на значительное увеличение информационной насыщенности литературного текста. Поэтому семантико-лингвистические или когнитивно-лингвистические модели теряют свою достоверность, не обеспечивая задачи интерпретации интертекстуального пространства текста, взятого в гипертексте культуры.

Когнитивная стратегия информирования направлена на выделение из информационного потока актуальной

информации и обработки ее с помощью сравнения с целевыми и мотивационными пресуппозициями, в частности выраженными в образно-эмоциональной форме, с когнитивными пресуппозициями личности, в частности с теми, что выражены в визуально-ассоциативной форме и с образцами текстов этого типа, исследованными автором. Когнитивно-концептуальная стратегия обеспечивает текстам наибольшую информационную ценность в результате ассоциативно-образной наполненности текста, большей свободы в конструировании текста и применении широчайшего набора лексико-грамматических и жанрово-стилистических средств. Поэтому именно в сфере когнитивно-концептуальной стратегии построения текста в каждый исторический период наблюдается наибольшее нарушение норм не в плане уничтожения, а в плане конструирования нового текста, который дает возможность осуществлять все большую смысловую наполненность благодаря усилению концептуальной сферы, созданию новых метафорических моделей действительности, которые могут развивать коммуникативно-когнитивные аспекты текстового смыслотворчества. Итак, современные тексты художественной литературы представляют не последовательно расположенные логически осознаваемые суждения, а определенную смысловую общность, которая существует в индивидуальном пространстве нелинейного времени, обусловленного влиянием личности интерпретатора.

Когнитивные механизмы, которые моделируются на основе анализа литературного текста, могут применяться для объяснения смысловой картины любого текста культуры. Сегодня происходит значительное интеллектуальное и когнитивное усложнение текстов художественной литературы. Новый литературный текст отличается качествами определенного универсального интерпретатора, который позволяет не только прочитывать текст, но и

участвовать в прочтении ряда других, даже всех текстов. Все это станет возможным благодаря построению модели внешней коммуникации художественной литературы.

С точки зрения Ю. Степанова, каждое произведение искусства, в частности литературный труд, выступает актом коллективного познания и изменения действительности [24]. Каждое произведение художественной литературы представляет в своей целостности не только двусторонний акт – творец и его произведение, – но более сложный процесс, который имеет три стороны: автор, произведение литературы, читатель. Акт познания действительности, зафиксированный самим автором в его произведении, продолжает жить и повторяться в многочисленных читателях. Вместе с автором читатель участвует в акте познания действительности и тем самым превращает произведение литературы в определенный общественно-исторический процесс, т.е. делает это произведение действительно реальным.

Становление литературы как автономной социально-коммуникационной системы стало одним из широких и долговременных социальных процессов, социальной дифференциации общественных групп, формирования социальных и культурных институтов, в том числе и личностного. По мнению Ю. Хабермаса, на автономизацию литературы, приобретение ею социальной и культурной значимости повлияли процессы социального самоутверждения новой, светской, образованной элиты и, соответственно, формирование публичной сферы – пространства межгрупповых коммуникаций, механизмов высказывания и консолидации интересов, представительства более широких социальных слоев [32]. Однако совокупность социальных ролей и сеть постоянных каналов коммуникации – это только один, структурный, аспект социально-коммуникационной системы литературы. Отметим, что литературная эволюция, которая представляла динамику

форм и стилей, в наше время остановилась, поскольку отсутствует литературная полемика, журнальные объединения, литературные школы нечетко выражены, отсутствует критика и постоянный читатель, цензура как форма влияния на содержание общественных смыслов, которые передаются, т.е. литературная борьба потеряла свою специфику. Все это свидетельствует не о кризисе самой художественной литературы, а о кризисе ее социального бытия, вследствие изменения профессионального положения писателей, соотношения писателя и читателя, изменились привычные условия и формы литературной работы. В результате формирования нового экономического строя произошла социальная перегруппировка читателей, писательских и издательских организаций.

В свое время Ю. Лотман отмечал, что литература как динамическое целое не может быть описана в рамках какой-либо упорядоченности [13]. Она существует как определенная множественность, упорядоченность, где каждая организует только определенную сферу, но стремится расширить область своего влияния как можно больше. В период существования определенного исторического этапа литературы противостояние этих тенденций составляет основу того, что дает возможность выражать в литературе интересы различных социальных сил, борьбу нравственных, политических или философских концепций эпохи. Ю. Лотман убедительно доказывал, что в то время, когда происходит смена исторического момента, проявляется моделирующая активность литературы, в частности в способности активно творить свое прошлое. В процессе изменения трансформируются и сами тексты, поскольку в литературе прошлого они существовали как часть целого, элемент механизма, а в новых реалиях жизни они становятся такими, что единолично представляют эпоху. Это свойство художественных текстов свидетельствует о важных чертах организации литературы как синхронного

коммуникационного механизма. Любая культура связана с существованием определенного информационно-коммуникационного пространства, характеризующегося своими технологическими средствами и социальными параметрами. Поэтому Интернет может рассматриваться как новейшее информационное пространство современной культуры, которое быстро распространяется.

Мировоззренческими вызовами современной эпохи выступают поиск этических доминант сотрудничества, взаимопонимания, толерантности. Системный эволюционизм показывает, что мы способны расширять нашу когнитивную сферу только через обретение нового опыта, через общение с новым человеком, через межличностную конгруэнцию, которая позволяет нам увидеть другого человека и открыть для него пространство, где она может существовать рядом с нами, т.е. принять другого человека или не принять. Современные исследователи, в частности В. Сулимов [26], отмечают, что социальные качества современного человека становятся свойственными обобщенному деперсонализированному Автору / Герою / Читателю современных текстов художественной литературы, к которым относятся: значительное количество «горизонтов» культуры в сознании одного человека, который идентифицирует себя в контексте мирового (глобального, наднационального) культурного процесса; «когнитивная усталость» от избытка информации, интеллектуальная «подавленность» под влиянием агрессивности средств массовой информации и Интернета. Современный текст художественной литературы соответствует актуальному индивидуальному и социальному сознанию, реагируя на культурно-антропологические и информационно-когнитивные изменения.

Культурно-антропологическим свойством является способность к перманентному внутреннему диалогу [5]. Современный литературный текст модифицирует это

видовое отличие в когнитивно-коммуникативное условие понимания, несмотря на значительное увеличение информационной насыщенности литературного текста. Поэтому семантико-лингвистические или когнитивно-лингвистические модели теряют свою достоверность, не обеспечивая задачи интерпретации интертекстуального пространства текста, который был взят в гипертексте культуры. Так в свое время И. Гальперин [7] на основе критериев информационной новизны выделил несколько когнитивных текстовых стратегий: когнитивную стратегию информирования и когнитивно-концептуальную стратегию.

Как отмечалось выше, современные тексты художественной литературы представляют не последовательно расположенные логически осознаваемые суждения, а определенную смысловую сумму, которая существует в индивидуальном пространстве нелинейного, личностно-ориентированного времени, обусловленного влиянием личности интерпретатора, которая имеет дополнительные признаки наблюдателя. По мнению Н. Хайдеггера [33] и И. Смирнова [22], это делает когницию главным участником литературного процесса, когда картина мира приобретает черты подвижности, аморфности, непредметности, «высвобождение смыслов».

Выводы

Исследование эволюционных аспектов художественной литературы в коммуникационном пространстве общества; освещение сущности художественной литературы как коммуникационного потока трансляции смыслов, формирующих сознание людей, дает возможность сделать следующие выводы:

1. Художественная литература является коммуникативным средством воспроизводства социальной памяти человечества и формирования общественного сознания.

2. Художественная литература как концепт является одним из составляющих элементов общей концептосферы (или инфосферы) отдельной личности, всего социума и системы коммуникаций и рассматривается нами, прежде всего, как совокупность мыслеформ коллективного сознания, авторской концептосферы, озвученная в едином литературном потоке, который функционирует в едином коммуникационном пространстве социума. Литература как концепт дает ответ на определенную проблему восприятия и интерпретации социально значимой информации, так как она неразрывно связана с коммуникативной деятельностью человека. Основное содержание концепта «художественная литература» заключается в социальной функции общественного самосознания. Культура, по нашему мнению, это коррелят концепта «художественная литература». Концепт «художественная литература» объединяет и коммуникативный элемент, и элемент познания. Феномен художественной литературы как концепта определяется как сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и ментальной сфере определенной этнокультурной группировке, а как универсальный художественный опыт, зафиксированный в социальной памяти общества, должна быть отнесена к когнитивному слою социального сознания в целом.

3. Социальная память, включая язык литературы в механизме отражательной системы общества и как художественное мировоззрение, может рассматриваться как методологическая схема, которая организует исследования информационного потенциала текста и может быть концептуальной моделью феномена литературной коммуникации.

Литературно-культурный опыт поколений включен в совокупность категорий системы социального взаимодействия, образует в его пределах предметную сферу творчества и деятельностную коммуникационную

подсистему, адаптированную в социальную деятельность в соответствии со спецификой культурно-исторического этапа развития общества. Именно произведения литературы являются главным фактором, который влияет на социальную память, ее образно-чувственную сферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136 – 137.

2. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997. – С. 45 – 48.

3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Дэниел Белл; пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 956 с.

5. *Бубер М.* Я и ты / Мартин Бубер // Два образа веры / Мартин Бубер. – М., 1995. – С. 16 – 92.

6. *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

7. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 139 с.

8. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? : пер. с фр. и послесл. С. Зенкина / Жиль Делез, Феликс Гваттари. – М. : Академический проект, 2009. – 261 с.

9. *Иванова Е. А.* Коммуникативный статус текста в дискурсе – художественном, виртуальном, сакральном / Е. А. Иванова // Вісник Харківського національного університету. Серія Філологія ; [Філологічні аспекти

дослідження дискурсу]; [відп. ред. Ю. М. Безхутрий]. – Х. : Вид. дім ХНУ, 2001. – № 520. – Вип. 33. – С. 22 – 27.

10. *Ільганаєва В.* Інституалізація соціально-комунікаційної сфери суспільства / В. О. Ільганаєва // Освіта регіону: політологія, психологія, комунікації. – 2008. – № 1. – С. 60 – 68.

11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М. : Высшая школа экономики, 2000. – 820 с.

12. *Крылов А. А.* Психологические предпосылки концепт-анализа. Концепт как мысль о предмете. – Электронный ресурс / Артем Алексеевич Крылов // Режим доступа: URL:www.1314.ru .

13. *Лотман Ю. М.* О содержании и структуре понятия «художественная литература» / Ю. М. Лотман // О русской литературе. – СПб., 1997. – С. 774 – 788.

14. *Лукин В. А.* Художественный текст : Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.

15. *Луман Н.* Невероятность коммуникации. – Электронный ресурс / Н. Луман // Режим доступа: http://www.sos.ru.ru.8101/publication/pts/luman_c.html/

16. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М. : Академ. Проект : Фонд «Мир», 2005. – 495 с.

17. *Миллер Л. В.* Художественный концепт. Смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – М., 2000. – С. 40.

18. *Моисеев Н.* Информационное общество как этап новейшей истории / Н. Моисеев // Межотраслевая информационная служба. ВИМИ. – 1995. – № 4. – С. 25.

19. *Основы теории коммуникации* / под ред. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.

20. *Плешкевич Е. А.* Основы общей теории документа : монография / Евгений Александрович Плешкевич. – Саратов : Научная книга, 2005. – 244 с.

21. *Пригожин И.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин. – Ижевск : ИГПИ, 1999. – 360 с.

22. *Смирнов И. П.* Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) / И. П. Смирнов. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 193 с.

23. *Социальные коммуникации* (теория, методология, деятельность) : словарь-справочник / сост. В. А. Ильганаева. – Х. : КП «Городская типография», 2009. – 392 с.

24. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов; [отв. ред. В. П. Нерознак.]. – М. : Наука, 1985. – 335 с.

25. *Степанов Ю.* Философия языка в границах и вне границ / Ю. Степанов. – Харьков : Око, 1993. – 192 с.

26. *Сулимов В. А.* Проблема интерпретации литературного текста : анализ и синтез смысла / В. А. Сулимов // Семиозис и культура : философия и феноменология текста : сборник научных статей / под общ. ред. М. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова. – Сыктывкар, 2009, – Вып. 5. – С. 72 – 78.

27. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – Новосибирск : Наука, 1989. – 197 с.

28. *Тоффлер Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 776 с.

29. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.

30. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект-пресс, 2004. – 399 с.

31. Фуко М. Что такое автор? / М. Фуко // Современная литературная теория : антология.– М., 2004. – С. 69 – 91.
32. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопр. философии. – 1992. – № 4.– С. 39 –50.
33. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет / Хайдеггер М. – М., 1993. – С. 391 – 406.
34. Шартье Р. Письменная культура и общество / Р. Шартье. – М. : Новое издательство, 2006. – 270 с.
35. Еко У. Надінтерпретація текстів / У. Еко // Антологія світової літературно-критичної думки / за ред. М. Зубрицької. – Львів, 2002. –С. 361 – 362.